

ПОЭТ АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН – ОБ АЛЕКСАНДРЕ ТВАРДОВСКОМ И ЖУРНАЛЕ «НОВЫЙ МИР»

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСАТЕЛЬСКОГО АРХИВА А. В. ЖИГУЛИНА)

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2015 г.

Аннотация: в статье впервые анализируются материалы писательского архива (дневники и рабочие тетради) выдающегося русского советского поэта и прозаика Анатолия Владимировича Жигулина, рассказывается о той большой роли, которую сыграл в его жизни и творчестве главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский. По мнению поэта, подвижническая редакторская деятельность А. Т. Твардовского, бескомпромиссная позиция руководимого им журнала «Новый мир» во многом способствовали духовно-нравственному пробуждению общества в последние десятилетия XX века и представляют собой одну из ярких страниц истории отечественной журналистики.

Ключевые слова: Жигулин, Твардовский, Солженицын, журнал «Новый мир», история отечественной журналистики.

Abstract: the article first analyzes the materials writers archive (diaries and workbooks) of the outstanding russian soviet poet and prose writer Anatoly Vladimirovich Zhigulin, tells about the great role played in his life and creative work of the chief editor of the journal «New world» Alexander Tvardovsky. According to the poet, ascetic editorial activities A. T. Tvardovsky, the uncompromising position led them to the journal «New world» contributed largely to the spiritual and moral revival of society in the last decades of the twentieth century and represent one of the brightest pages in the history of russian journalism.

Key words: Zhigulin, Twardowsky, Solzhenitsyn, the journal «New world», history of russian journalism.

1 января 2015 года исполнилось 85 лет со дня рождения выдающегося русского советского поэта и прозаика, нашего земляка А. В. Жигулина (1930–2000). Большую роль в его жизни и творчестве сыграл Александр Трифонович Твардовский (1910–1971), классик советской литературы, автор знаменитой поэмы «Василий Тёркин», главный редактор журнала «Новый мир», деятельность которого, по мнению ряда исследователей, повлияла на весь дальнейший ход истории СССР.

Материалы писательского архива А. В. Жигулина, в том числе его записные книжки, дневники и рабочие тетради, переданные недавно, в соответствии с волей вдовы поэта И. В. Жигулиной, в Воронеж (это произошло во многом благодаря усилиям известного литературоведа и общественного деятеля О. Г. Ласунского) и хранящиеся в настоящее время в фондах областного литературного музея им. И. С. Никитина [1]¹, открывают новые, ранее неизвестные страницы его жизненной и творческой биографии, вносят дополнительные штрихи к портрету главного редактора журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского

и в целом отечественной журналистики послесталинской эпохи.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ТВАРДОВСКИМ

В 1978 году вышла в свет книга «Воспоминания об А. Твардовском» (Москва, издательство «Советский писатель», 488 с.). Как говорилось в краткой аннотации, сборник воспоминаний «даёт широкое представление об А. Твардовском как писателе, общественном деятеле и человеке». Книга была издана большим тиражом (50 тыс. экземпляров), имела твёрдый переплёт и включала в себя статьи нескольких десятков авторов – друзей и товарищей поэта по годам учёбы, военной поры, работы в советской литературе. Среди них – писатели К. Симонов, Б. Полевой, Е. Долматовский, Е. Воробьёв, К. Ваншенкин, И. Соколов-Микитов, А. Жигулин, С. Залыгин, Г. Бакланов и другие.

С высоты сегодняшних дней невольно бросается в глаза, что среди авторов книги нет А. И. Солженицына, триумфально шагнувшего в литературу в годы хрущёвской «оттепели» именно со страниц «Нового мира». Напомним, что по поводу разрешения напечатать повесть «Один день Ивана Денисовича» (первоначальное авторское название – «Щ-854») – А. Т. Твардовский обратился с письмом лично

¹ Ссылки сделаны по принципу: номер записной книжки (дневника) А. В. Жигулина, цитируемые страницы.

к Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущёву. После публикации за рубежом «Архипелага ГУЛаг» Солженицын в феврале 1974 года был насильно выдворен из страны и к тому времени проживал в американском штате Вермонт. Позднее он изложил свои впечатления от встреч с Твардовским в книге литературных очерков «Бодался телёнок с дубом».

Конечно, многое мог бы рассказать о Твардовском, как редакторе и человеке, его ближайший соратник, яркий и пронизательный литературный критик, которого называли, и не без оснований, «советским Добролюбовым», В. Я. Лакшин. Но и его, естественно, не оказалось среди авторов сборника, как и ряда других представителей разогнанной в начале 1970 года редколлегии «Нового мира».

Нет никаких сомнений, что в соответствии с существовавшими на тот момент порядками список авторов тщательно составлялся в Секретариате Союза писателей СССР и был согласован с Отделом культуры ЦК КПСС, а содержание книги было подвергнуто самой тщательной цензуре (ведь речь шла о «неблагонадёжном» бывшем главном редакторе журнала «Новый мир», который после антисталинского XXII съезда КПСС стал прибежищем либерально-демократических сил в литературе, символом «шестидесятничества», трибуной легальной оппозиции советской власти).

Статья А. Жигулина «Слезам нужно верить...» начинается так: «В сентябре 1961 года в Воронежское отделение Союза писателей на имя критика Анатолия Михайловича Абрамова поступила телеграмма: **«НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЁР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ – ТВАРДОВСКИЙ»** [2].

В этой фразе допущена неточность, которую сразу же после выхода книги заметил сам упоминаемый в статье А. М. Абрамов, известный в ту пору критик и литературовед, одним из первых обративший внимание на творчество начинающего поэта и горячо поддержавший его в профессиональном становлении. Дело в том, что телеграмма А. Т. Твардовского была прислана не в областную писательскую организацию, как утверждал Жигулин, а на домашний адрес воронежского критика, одного из постоянных авторов журнала «Новый мир».

Вот что пишет А. М. Абрамов в своих мемуарах: «С этой телеграммой началось печатание А. Жигулина у А. Т. Твардовского. Телеграмма была ответом на письмо о стихах Жигулина и его книжку «Костёр», которую я послал Твардовскому в сентябре 1961 года перед отъездом со студентами в колхоз, в село Васильевку, под Анной. Из-за этой занятости я не мог тогда выполнить просьбу А. Т. Написал уже потом, когда вышли «Рельсы» Анатолия в «Молодой гвардии» («Новый мир», 1963, № 10).

Телеграмму привожу вместе с адресом, по которому она была прислана, потому что мне довелось слышать выступления, в которых говорится, что она прислана в организацию воронежских писателей. Источником этого, думаю, явилась неточность самого А. Жигулина, которому, естественно, я её тогда же показывал (кроме него телеграмму не видел никто) <...>.

В связи с этой телеграммой стоит сказать: я многим посылал стихи А. Жигулина. Очень хотелось, чтобы как можно больше людей – во всяком случае из литературно-художественной среды – узнало, что в русскую поэзию пришёл новый замечательный поэт. Были и ответы интересные. Но это уже тема особой статьи» [3].

Откуда же взялась эта неточность? Ведь известно, что Жигулин был человек очень аккуратный, даже, можно сказать, педантичный во всём – в жизни, в быту, и, конечно, в творчестве, о чём свидетельствуют многие его современники, а также дневники и рабочие тетради самого поэта.

Считаем, что Анатолий Владимирович сознательно допустил в своей статье эту неточность: одно дело написать, что Твардовский прислал телеграмму на домашний адрес А. М. Абрамова, другое дело – в писательскую организацию, что сразу как бы приподнимает значимость события. Чтобы проверить эту версию, заглянем в дневник А. В. Жигулина за 1961 год. Читаем:

«27 сент. 61 г.

Среда. 22 ч.

Самое значительное событие дня (и вообще, видимо, важное событие в жизни) произошло следующим образом. Пришла в Союз (писателей. – В. К.) Антонина Тимофеевна Абрамова и принесла телеграмму на имя Ан. Михайловича. Вот точный текст телеграммы:

«ВОРОНЕЖ 11 МАЯ 7/9 КВАРТИРА 39 АБРАМОВУ АНАТОЛИЮ МИХАЙЛОВИЧУ².

МОСКВА 705/51 26 27 1010=

НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЕР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ. ТВАРДОВСКИЙ».

Сила! Твардовский обратил внимание на сборник. Это, конечно, здорово! Эта радость затмевает или почти затмевает все недавние неприятности <...>.

Теперь надо работать. Для «Нового мира» нужны, конечно, очень сильные стихи» [№ 60. С. 52–54].

Как показывает анализ эпистолярного наследия поэта, А. В. Жигулин всегда старался как можно точнее и подробнее фиксировать в своих записных книжках основные события литературной, общественно-политической и личной жизни. Впоследствии это ему очень помогало в ходе работы над

² Улица 11 мая – до 1962 года такое название носила Театральная улица в центре Воронежа.

стихами, публицистикой и прозой. Не подлежит сомнению, что при написании статьи «Слезам нужно верить...» Жигулин не раз заглядывал в свой дневник и именно отсюда взял текст телеграммы А. Т. Твардовского. По нашему мнению, он сознательно «отредактировал» адрес телеграммы по вышеуказанной причине.

В статье имеется и вторая неточность. Жигулин пишет: «Нечего и говорить, сколь радостно было для меня содержание телеграммы. Речь шла о только что вышедшей тогда в Воронеже моей книге «Костёр-человек». Стихи я послал по почте, а 4-го ноября сам приехал в Москву и пришёл в редакцию журнала» [4].

На самом деле, как свидетельствуют записи в дневнике А. В. Жигулина, в Москву он приехал утром 30 октября 1961 года.

Приоткроем одну тайну. Дело в том, что история личного знакомства Анатолия Жигулина с А. Т. Твардовским развивалась на фоне его бурного романа с Ириной Неустроевой, выпускницей филологического факультета ВГУ и аспиранткой А. М. Абрамова. После окончания университета она вышла замуж и переехала на постоянное место жительства в Москву. Их роман завязался в Воронеже летом 1961 года, во время очередного приезда И. Неустроевой к родителям (к тому моменту её неудачный первый брак распался).

Как вспоминал позже А. Жигулин, в столицу он приехал больным (простудился в поезде). По этой причине, остановившись в гостях у Ирины, которая жила в коммунальной квартире на улице Осипенко (из окон на шестом этаже были видны кремлёвские рубиновые звёзды и купола соборов), он несколько дней не выходил из дому.

Месяц спустя, он по памяти и с юмором описал события тех дней в своей записной книжке.

«Утром, 4 ноября 1961 года, в субботу, я окончательно победил грипп, хоть у него были могущественные союзники: любовь и вино.

Решил идти в «Новый мир».

Кажется, в этот день случилось одно из наиболее весёлых в моей жизни происшествий.

Происшествие заключалось в следующем. Дабы предстать перед очами Твардовского в приличном виде, я решил малость почистить своё пальто и костюм.

Выложив всё из карманов (в том числе деньги и ключи), чтобы удобнее было чистить, я вышел на лестничную площадку с пальто в одной руке и щёткой – в другой. Гм... На что бы повесить пальто? Вижу, на двери вбит гвоздик. Оказывается, этот гвоздик специально и существовал именно на предмет чистки одежды. Я сразу об этом догадался. Догадку мою потом подтвердил вечером сосед Юра... Короче говоря, повесил я пальто на гвоздь и, чтобы удобнее было чистить, чтобы дверь была устойчивее, потянул её на себя. Раздался бодрый металлический щелчок. Как уже догадался проницательный

читатель, это сработал нехитрый механизм английского замка. Я улыбнулся. Да, именно улыбнулся. Ничего иного я не смог бы сделать. Стало совсем весело, когда я ещё глубже осмыслил потрясающую безнадёжность моего положения.

Чужой город. Чужой дом. Здесь никто не знает меня, кроме Ирины.

Ирина и соседи по квартире (у них тоже есть ключи) придут только вечером. Я мог бы поехать к Ирине на работу за ключом, но адрес библиотеки записан в записной книжке. Книжка лежит на столе в квартире.

Впрочем, у меня и денег-то нет на дорогу. Больше того и фуражки нет, а на улице холод. Позвонить по телефону? Номер телефона – в записной книжке. Да и двух копеек нет.

Робко я постучался в дверь к соседям по этажу. Застенчиво объяснил смысл положения. Соседка посочувствовала мне, посоветовала идти в домоуправление.

Дальше уже мало интересного. Скажу только, что мне повезло – пришла соседка по квартире (тётя Люба) и выручила меня.

Поехал я в «Новый мир».

Встречу с Твардовским я подробно опишу после. А сейчас скажу только, что он очень тепло меня принял, похвалил стихи.

«Флажки», «Ночная смена», «Земля» намечены в первый номер журнала» [№ 63. С. 50–58].

Далее приведём небольшой фрагмент из статьи А. Жигулина «Слезам нужно верить...»: «Только что закончился XXII съезд КПСС. Твардовский был в связи с этим очень занят, спешил, как мне сказали, на какое-то важное совещание, но, узнав, что я приехал из Воронежа, принял меня. Первые слова Твардовского меня несколько удивили. Он внимательно присмотрелся ко мне и сказал:

– Виду вас болезненный, но глаза весёлые, живые. Верю, что вы выздоровеете!

Уже после я сообразил, что это, вероятно, Абрамов писал Твардовскому о моей болезни. Александр Трифонович попросил меня рассказать о себе, заинтересовался подробностями моей трудовой биографии» [5].

Строки из дневника:

«5 ноября 1961 года, в воскресенье, был я в издательстве «Молодая гвардия». Познакомился с редактором русской прозы и поэзии Дм. Ковалёвым, а также с поэтом Вл. Фирсовым, который сейчас работает там редактором вместо Вл. Цыбина.

Чертовски не хочется описывать все издательские встречи и беседы. Скажу очень коротко. Рукопись уже была отрецензирована. Положительную рецензию написал Н. Старшинов. Фирсов читал тоже – в восторге. Читал и Ковалёв – был тронут до глубины души. План забит до 65 года, но, узнав о моей беседе с Твардовским, решили товарищи из

издательства выпустить мой сборник в 62-м году. Читал им стихи – понравилось <...>.

9-го ноября Дм. Ковалёв сообщил мне, что говорил с Твардовским насчёт моей книжки и что Александр Трифонович сказал обо мне и моих стихах много добрых слов.

7-го ноября вечером ходили на Красную площадь. Очень хотелось плюнуть на могилу Сталина, но не пробилась» [№ 63. С. 59–60].

В один из тех дней в Воронеж на имя А. М. Абрамова была послана ещё одна телеграмма: «**БЫЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ ИДУТ ПЕРВЫЙ НОМЕР ПОЗДРАВЛЯЕМ ПРАЗДНИКОМ ЦЕЛУЕМ ИРА ТОЛЯ**».

ШКОЛА МАСТЕРСТВА И ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

Беседы с А. Т. Твардовским стали для молодого поэта настоящей школой мастерства и житейской мудрости. Как отмечал Жигулин, у Александра Трифоновича было обострённое чувство совести, долга и какой-то необыкновенной сопричастности к чужой боли. Он считал, что любой литератор – и маститый, и начинающий – должен с чрезвычайно высокой ответственностью относиться к собственному творчеству, отдавать всего себя без остатка делу. Именно так Твардовский относился к самому себе, к собственным стихам и прозе.

«10 февраля 1962 года, суббота.

...Сейчас слушал выступление А. Твардовского на вечере, посвящённом 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Очень яркое выступление! Да, надо учиться в первую очередь у Пушкина» [№ 65. С. 86].

В мае – июле 1962 года А. В. Жигулин находился на лечении в Московском научно-исследовательском институте туберкулёза Минздрава РСФСР. Как видно из записей в дневнике Жигулина, в этот момент А. Т. Твардовский принимал личное участие в его судьбе.

«14 мая 1962 года, понедельник.

Вечером приходила Хвойкина (одно из шуточных имён, данных Жигулиным Ирине Неустроевой. – В. К.). Она говорила по телефону с Твардовским. Александр Трифонович и в жизни реалист. Высказал предположение, что, может быть, Богушу (Богуш Л. К. – торакальный хирург, доктор мед. наук, профессор, академик АМН СССР, лауреат Ленинской премии. – В. К.) не потребуется «данный экземпляр больного».

Из Союза (писателей. – В. К.) написали Богушу письмо. Что-то делается. Я, однако, стараюсь не вникать в эти дела – пусть будет, как будет» [№ 70. С. 4–5].

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила!.. Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы!

Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания: «Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому.

С большой радостью прочёл повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключённый номер И-2-594 Особого лагеря» [№ 78. С. 47–48].

Как свидетельствует корешок почтового отправления, аккуратно вложенный А. В. Жигулиным между страниц записной книжки, телеграмма, действительно, была послана в редакцию «Нового мира».

Видимо, загоревшись желанием осилить большие жанровые формы поэзии, которые были подвластны тому же Твардовскому, в феврале 1963 года Жигулин представил в «Новый мир» «поэму» под условным названием «Не верю в слёзы». Фактически это был цикл лагерных стихов, причём большинство из них были уже опубликованы в сборнике «Костёр-человек».

«3 марта 1963 года, воскресенье.

Хорошего мало. Говорил по телефону с Александром Трифоновичем. Он «научил» меня пойти к Карагановой. Смысл разговора таков. Необязательно стихи должен читать всегда главный редактор.

– Не повисайте, – говорит. – В редакции вас знают и знают моё отношение к вам. Вам ведь ещё не отказали, так и несите стихи Карагановой. А я их прочту, может быть, только в вёрстке. Вы взрослый человек и смелее действуйте сами.

Вот такова была приблизительно беседа. Ещё Твардовский говорил, что мог бы уделить мне несколько минут, но у него совещание в ЦК и он сейчас не выходит (т. е. болеет).

После разговора я сначала огорчился, а потом передумал. Ведь Твардовский прав. Не может же он меня всё время вести за ручку. Надо самому учиться ходить. И он по-деловому посоветовал, что надо делать.

А что ему сейчас не до молодых поэтов – это тоже верно. Видел я на днях Панченко и он рассказал, что сейчас в разгаре травля Твардовского и «Нового мира» за последние публикации, в частности, за Эренбурга, Некрасова, Яшина. Действительно, предстоит какое-то совещание в ЦК и новая встреча с молодыми писателями. А во вчерашней «Лит. газете» иезуитская статья В. Кожевникова. Ругает «Матрёнин двор» Солженицына. Ругает именно иезуитски – подковыривает очень хитро. Ведь прямо ругать нельзя, ибо рассказ «Матрёнин двор» – это железобетон, это правда, которую рубить нельзя с фасада. Вот и копают яму под фундамент. Такие-то дела» [№ 79. С. 81–83].

«6 марта 1963 года, среда.

Днём в понедельник, 4 числа, поехал в «Новый мир». Караганова встретила меня приветливо,

хотя и не узнала сначала. Достала мою рукопись и говорит:

– Надо нам с вами пойти ещё к Александру Трифоновичу. Он уже читал ваши стихи и у него есть замечания, но я сначала скажу вам о своих замечаниях. Между прочим, это, конечно, ни в коем случае не поэма, это цикл стихов. Я даже, видите, зачеркнула здесь слово «поэма». А Александр Трифонович прочитал и спросил: «А где же поэма? Он мне говорил о поэме».

Вот так приблизительно начался разговор с Карагановой. Что ж, начало было очень обещающим и я возрадовался в душе. Значит, думаю, будут печатать. Тем более, что Твардовский заинтересовался стихами» [№ 79. С. 92–93].

«Твардовский принял нас в небольшом кабинете, в том, что рядом с большим залом. Сказал:

– Здравствуйте, товарищ Жигулин! Ну, что ж, садём рядком и поговорим...

И начал читать стихи и делать замечания. Итог разговора таков. Работать надо над стихами «Москва», «Поезд», «Вина». В первых двух переписать последние строфы <...>. Дойдя до главы «Вина», сразу перечеркнул средние строфы карандашом и сказал:

– Это всё от лукавого. Ничего вы не могли знать и понимать даже смутно!

И даже предпоследние две строфы вымарал, сказав:

– Нет-нет! Это ни в коем случае нельзя!..

<...> Что ещё сказать? Поэма, безусловно, проиграла, когда её стали рассматривать, как цикл стихов. Твардовский разгромил такие стихи, как «Отец», «Сны», «Стихи» по отдельности очень легко. Вместе (в поэме) им было бы удобнее защищаться. А когда их рассматривали по одному, то каждое стихотворение было убито такими словами:

– Ну, и что? И зачем это?

И всё-таки Твардовский сказал, что в «Снах» есть отличные строфы, что «Стихи» тоже интересны, но плохо, что гениальные лермонтовские строки обрамляют мои слабые и нерифмованные. Невыгодное соседство!

Окончание главы «Москва» он предложил сделать теплее, человечнее. Зачем, мол, эта твердокаменность – «не верю в слёзы»? Разве это хорошо – не верить в слёзы? И Москва, мол, получается какой-то свирепой, а вы к ней присоединяетесь <...>.

Были замечания и по «Хлебу», и по другим стихам. И разговор был довольно большой, наверное, не меньше полчаса. Потом расспросил меня о здоровье и о жизни. Я рассказал, что чувствую себя неплохо, что женился, что жена – та девушка, что ему звонила, когда я лежал в больнице. В общем, он со мной тепло поговорил и душевно <...>.

Вот запомнил ещё одну деталь. Когда говорили о стихотворении «Хлеб», Твардовский спросил, действительно ли была норма 20 кубометров. Я объ-

яснил, что норма зависит от диаметра деревьев, от породы дерева, погоды, пилы и т. п. Объяснил, зачем «бойся!» кричат <...>.

Караганова говорит, что, может быть, в ближайшее время они и не смогут дать эти стихи, но всё-таки хотят иметь их в своём портфеле» [№ 80. С. 3–13].

Видимо, осознав правоту замечаний А. Т. Твардовского Анатолий Жигулин больше не возвращался к идее объединить под сводами «поэмы» отдельные лагерные стихи, в том числе в перестроечное и постперестроечное время.

«ОБЛОЖИЛИ, КАК ВОЛКА, ФЛАЖКАМИ...»

Это известное стихотворение Анатолия Жигулина, написанное в 1981 году на основе его личных воспоминаний и переживаний, безусловно, можно поставить эпиграфом к рассказу о той беспрецедентной травле, которая на протяжении многих лет велась против Александра Твардовского и возглавляемого им журнала «Новый мир»:

Обложили, как волка, флажками,
И загнали в холодный овраг.
И зари желтоватое пламя
Отразилось на чёрных стволах...

В журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Огонёк» и центральной прессе (газеты «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Литературная газета» и др.) периодически публиковались материалы с прямыми или косвенными нападениями на «Новый мир». Делалось это в виде различных «рецензий» на новмировские произведения, «писем читателей», безымянных передовиц на газетных полосах и т. д., и т. п.

Затяжную литературную (фактически – идеологическую) борьбу с «Новым миром» вёл журнал «Октябрь» (главный редактор В. А. Кочетов, автор романа «Чего же ты хочешь?», направленного против «разложения советского общества западной псевдокультурой и пропагандой»).

Не отставал от него и еженедельник «Огонёк» (главный редактор А. В. Софронов, один из советских «литературных генералов», автор патриотически-государственных стихов и поэм, по преимуществу – на донскую тему). 26 июля 1969 года в «Огоньке» появилось письмо под тенденциозным заголовком «Против чего выступает «Новый мир»?» одиннадцати писателей, обвинивших журнал в том, что он является «проводником буржуазной идеологии и космополитизма». По своему стилю и содержанию оно напоминало скорее политический донос, чем попытку вести конструктивную полемику. При этом большая часть авторов, подписавших данное письмо, как отмечалось в кратком и сдержанном ответе, опубликованном в журнале из-за препятствий цензуры лишь в сентябре, «в своё время подвергалась

весьма серьёзной критике на страницах «Нового мира» за идейно-художественную невзыскательность, слабое знание жизни, дурной вкус, несамостоятельность письма».

Вот лишь небольшая часть записей в дневнике, отразивших переживания А. Жигулина в связи с развернутой против А. Твардовского и «Нового мира» широкомасштабной обструкционной кампанией.

«6 марта 1963 года, среда.

...Нынче в изд-ве «Мол. гвардия» я узнал, что положение с «Новым миром» тревожное. Готов проект решения о снятии Твардовского с поста главного редактора. Завтра состоится встреча руководителей Партии и Правительства с писателями. Будут выступать Шолохов, Софронов и другие лидеры правого крыла. Будут ругать Твардовского. И, видимо, сам Никита Сергеевич выступит» [№ 80. С. 9].

«2 апреля 1963 года, вторник.

Утешительно мало в жизни. Чёрная сотня совсем распоясывается. Нынче в «Лит. газете» некто Михаил Соколов требует чуть ли не в тюрьму посадить Твардовского, Суркова, Эренбурга. Мерзостная, хамская статья! Подло охаивает «Новый мир». А ведь при всех ошибках «Новый мир» сейчас – единственный настоящий журнал. Лет через 50 наши внуки в школе будут по учебникам изучать роль нынешнего «Нового мира» в создании советской литературы, как сейчас дети изучают в школах роль «Современника» <...>.

Неужели уйдёт Твардовский? Это было бы ужасно. Опять поперли бы, как грибы, «Кавалеры золотой звезды» и всякие прочие «Белые берёзы». Опять мрак!

Ей-Богу, так обидно и больно за Твардовского, как за самого себя. Но он не уйдёт, он сильный человек. Его трудно свалить» [№ 80. С. 77–78, 81–82].

«18 августа 1963 года, воскресенье.

Огромная радость! В «Известиях» – великолепная поэма Твардовского «Василий Тёркин на том свете». Это предельно смелая сатира на те мерзости, которые творились в нашей стране при культе, на те мерзости, которые и нынче в значительной степени у нас здравствуют в виде дураков-перестраховщиков в Воронежском обкоме...

Заметка А. Аджубея (главный редактор газеты «Известия», зять Н. С. Хрущёва. – В. К.), предваряющая публикацию, довольно своеобразная (чтобы не сказать иезуитская – весь целый год «Известия» планомерно травили Твардовского и «Новый мир»). Аджубей, в частности, пишет: «Наверное, вызовет она (поэма – А. Ж.) и споры, и возражения, и это хорошо!..» Да, это хорошо, если споры и возражения. Но плохо, если начнётся травля. Как бы не спустили кочетовских собак. Могут и письма появиться «от читателей», как это было с А. Яшиным и Ф. Абрамовым. Но всё равно Твардовский – гений! И великое дело сделано – поэма живёт! Она многому научит людей, многим шире откроет глаза.

Дай Бог здоровья Александру Трифоновичу! Всё. Нету слов больше» [№ 83. С. 45–48].

В первом номере «Нового мира» за 1965 год была опубликована статья А. Твардовского «По поводу юбилея» (в рамках дискуссии с журналом «Октябрь» речь шла о партийности литературы, её задачах и судьбах). Это публикация вызвала новый шквал критики и даже брани в адрес А. Твардовского и «Нового мира». 14 апреля 1965 года в «Известиях» вышел резкий, несправедливый и явно инспирированный сверху, со Старой площади, где располагался комплекс зданий ЦК КПСС, отклик известного скульптора Е. Вучетича.

«16 апреля 1965 года, пятница.

Прочитал Вучетича. Статья написана на уровне школьного сочинения. Это, конечно, не большая беда, но прописные истины перемешаны с передержками и откровенной демагогией. Читать противно и стыдно за «Известия». Впрочем, им не в первый раз... Не совсем понятно, однако, почему статья появилась в «Известиях». Наверное, для «Правды» показалась слишком глупой. Впрочем, в «Правде» появлялись вещи и почище. Например, подборка писем о Солженицыне в прошлом году» [№ 90. С. 29–30].

«8 сентября 1969 года, понедельник.

Получили в бухг. «Известий» за 7-й номер «Н. м.» 147 р. 41 к. Неожиданная радость – так много! По четыре рубля за строку.

Зашли в редакцию к Юре Буртину, выразили в его лице признательность журналу. Грустно побеседовали о жизни. А Солженицына запрещено даже упоминать. Считается, что вроде бы даже и не было такого писателя. Ответ авторам «огоньковского» письма удалось дать с большим трудом – против была и цензура, и ЦК. Вёрстка журнала теперь читается не только Главлитом. Главлит каждый номер направляет в ЦК партии. А там он попадает в руки Барабаша, Мелентьева... Ну и ну!» [№ 112. С. 7].

«12 ноября 1969 года, среда, 21.30.

Александр Исаевич Солженицын исключён из Союза писателей СССР! Информация об этом подлом акте появилась в «Лит. газете». Решили, стало быть, административно-юридически утвердить свой обожаемый тезис: никакого писателя Солженицына вовсе и не было. Мерзавцы! Солженицына давно уже не печатают, но исключение из СП – всё равно – жестокий, злобный бесчеловечный акт. Было бы абсурдным делом пытаться уничтожить Солженицына-писателя – он всемирно известен, его не уничтожить. Но они хотят физически уничтожить Солженицына-человека. Теперь он – не член Союза. Теперь, если он не поступит на работу, его могут выслать в дальние края как тунеядца. И был уже подобный случай с одним ленинградским писателем. Теперь Солженицын лишён возможности обращаться в СП, лишён права на пенсию и т. п. Они хотят стереть его окончательно в порошок» [№ 112. С. 62–63].

РАЗГРОМ «НОВОГО МИРА»

Затянувшийся конфликт А. Т. Твардовского с партийными и литературными властями достиг апогея после смещения Н. С. Хрущёва с высших постов (это произошло на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 года).

В числе представителей высшего эшелона власти, особо рьяно выступавших против журнала и А. Т. Твардовского, были, в частности, первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов, один из лидеров национально-патриотического движения (именно в его подчинении находилось издательство «Молодая гвардия»), и начальник Главного политического управления Армии и Флота А. А. Епишев, своим волевым решением запретивший подписку на «Новый мир» в Вооружённых силах.

Учитывая внушительный авторитет А. Т. Твардовского, руководство Союза писателей не решалось уволить его с поста главного редактора «Нового мира», как говорится, «одним росчерком пера». Тогда было решено действовать в соответствии со старой русской поговоркой: «Не мытьём, так катаньем». После решения Секретариата Союза писателей СССР о снятии ключевых фигур в редколлегии журнала и назначение на эти должности людей из «противоположного лагеря», загнанный в угол Твардовский в феврале 1970 года был вынужден сложить редакторские полномочия.

«9 февраля 1970 года, понедельник, 16.25.

Плохо! Очень плохо! Кажется, что и не может быть хуже. Но это обманчивое ощущение – хуже, конечно, бывает, и, видимо, ещё будет хуже.

Начинаю с самого тяжкого. Задушили «Новый мир» – последовательно на двух Секретариатах СП СССР – 4 февраля и нынче, 9-го. Внешний повод – публикация за рубежом поэмы Твардовского. По последним сведениям (И. Золотусский сказал по телефону) – из редколлегии выведено пять человек: Лакшин, Виноградов, Марьямов, Кондратович и ещё кто-то, кажется, Сац. Введены в редколлегию: Косолапов, Рекемчук, Наровчатов, какой-то критик Олег Смирнов, и бывший редактор «Сов. культуры» Большов... Не известно, останется ли Твардовский редактором, но в любом случае прежний «Новый мир» прекратил своё существование» [№ 112. С. 172–173].

«10 февраля 1970 года, вторник, 22.00.

Так горько и грустно, что и писать не хочется. Не одному мне тяжело... Погиб «Новый мир»... Говорил сейчас с Лёвой Левицким. Он тоже в унынии. Первый номер уже печатается. Это последний будет номер, подписанный Твардовским <...>.

Говорил днём с Игорем Золотусским. Он был в «Н. м.». Ребята собирают бумаги. Разгром. Уходят из редколлегии (кроме пяти уже выведенных) и Твардовский, и Дорош, и Хитров. Уходят все работники редакции, даже корректоры. В редколлегии остаются из старых только всеядные представители «дикой

дивизии» – Айтматов и Гамзатов. И «крупный писатель» К Федин – инициатор и главная движущая сила этого гнусного дела <...>.

А Наровчатов всё-таки устыдился: каким-то образом сумел всё-таки отказаться от сомнительной чести. Переиграли. Вместо него в числе первой пятёрки новой редколлегии – некто А. И. Овчаренко, крупный специалист по соцреализму ещё со сталинских времён. Завтра в «Л. Г.» рядом с половинчатой рецензией на роман Кочетова будет первая маленькая информушка о разгроме «Нового мира». Мелким незаметным шрифтом. Это для всей страны. А в московском выпуске «Л. Г.» информация, возможно, будет чуть побольше – будут указаны и лица, принимавшие участие в секретариате. Возможно, будет и письмо Твардовского (по поводу публикации за границей поэмы).

Что ещё сказать? В новую редколлегию «Н. м.» стремится и Миша Синельников. А этот самый А. И. Овчаренко уже выступал несколько дней назад на пленуме по критике – обвинил Твардовского в защите кулачества. Это он уже на основании новой поэмы. Сразу ему за это кусок пирога – в редколлегию «Нового мира». Хоть бы название журнала сменили, сволочи. Или вообще закрыли бы.

И ещё мелкая обида: мы на целый год на «Н. м.» подписались. А зачем он нам теперь? Статьи Синельникова читать?..

Плохо. Очень плохо. Полный закат наступает» [№ 112. С. 174–177].

«13 февраля 1970 года, пятница, 12.30.

Сейчас, когда я пишу эти строки, идёт заседание Секретариата СП СССР. Рассматривают заявление Твардовского, радостно потирают руки. Добились своего: формально Твардовский уходит сам. Не нужны громкие статьи об ошибках журнала и т. п. Заявления об уходе подали также Е. Дорош и М. Хитров.

...Существуют письма протеста против разгрома «Нового мира». Письмо учёных. Письмо писателей (по словам Г. Красухина: Исаковский, Можжев, Тендряков, Аксёнов, Евтушенко, Вознесенский, Ю. Трифонов, С. Антонов – всего около 15).

12 лет существовал «Новый мир» Твардовского. Целая эпоха русской советской литературы. Наши внуки и правнуки, наши потомки будут изучать в школах этот период. Специальный раздел будет в учебниках литературы.

Вся прогрессивная Москва прощается с «Новым миром». Сотни людей ежедневно приходят в редакцию в эти дни. Словно на панихиду, словно на похороны» [№ 112. С. 181–182].

Из приведённых выше записей А. В. Жигулина видно, как тяжело перенёс он разгром редакции «Нового мира». А болезнь и преждевременная смерть Твардовского, случившаяся 18 декабря 1971 года в подмосковном посёлке Красная Пахра, стали для него личным горем.

Да только ли для него одного? Александр Солженицын в своём Поминальном слове о Твардовском, составленном к девятому дню после его смерти, и распространявшемся через Самиздат, гневно писал: «Есть много способов убить поэта. Для Твардовского было избрано: отнять его детище – его страсть – его журнал» [6].

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ТВАРДОВСКОГО

18 декабря 1971 года А. В. Жигулин вместе с другими литераторами приехал в Академию общественных наук при ЦК КПСС и принял участие в вечере, посвящённом 150-летию со дня рождения великого русского поэта, писателя и публициста, классика русской литературы Н. А. Некрасова. В этот момент пришла весть о смерти А. Т. Твардовского.

За три недели до этого, 26 ноября 1971 года, Жигулин выступал на подобном вечере в Литературном музее. Отметив огромный вклад Н. А. Некрасова в общественно-политическую жизнь и русскую литературу, Анатолий Владимирович сказал (цитируем по его записям в дневнике):

– Традиции Некрасова живы и сейчас в советской поэзии. Несомненно, самым ярким представителем некрасовской школы является наш современник и тоже – не побоюсь сказать – великий поэт Александр Твардовский. И общественно-гражданская деятельность Твардовского, и его поэзия в истории русской литературы сопоставимы только с жизнью и творчеством Н. А. Некрасова.

Далее Жигулин прочитал небольшое стихотворение, посвящённое А. Т. Твардовскому:

*Осень, опять начинается осень.
Листья плывут, чуть касаясь воды.
И за деревней на свежем покосе
Чисто и нежно желтеют скирды...*

Завершил он выступление такими словами:

– Александр Трифонович сейчас тяжело, неизлечимо болен. Как видите, даже этим обстоятельством он как бы повторяет судьбу Некрасова... [№ 118-а. С. 1–6].

И вот случилось то, что должно было случиться.
«18 декабря 1971 года, суббота.

Умер А. Твардовский, великий русский поэт.

Узнал об этом от Е. Сидорова в Академии общественных наук, куда приехал выступать на вечер Некрасова. Приехал С. С. Наровчатов и подтвердил: да, Твардовский умер на даче этой ночью... Слов нет никаких. Никакими словами не выразить боль и горечь. Убили великого поэта! Убили сытые и благополучные – той самой породы люди, коим я читал нынче стихи!.. Никогда больше не буду выступать в подобных учреждениях...» [№ 118. С. 82].

21 декабря 1971 года, в среду, состоялись похороны А. Т. Твардовского. В своём дневнике Жигулин сделал подробные записи об этом печальном дне. Приведём отдельные фрагменты:

«Ещё не было десяти утра, когда я поехал в ЦДЛ. По дороге купил свежие и вчерашние вечерние газеты. Всё не верилось, что так и не будет объявлено о времени и месте прощания, похорон. Увы! Нигде ни единой строчки! Какая жестокость! Какой позор! Намеренно лишили народ возможности проститься со своим великим поэтом. Что ж, российские правители всегда боялись великих поэтов России, даже умерших. Гроб с телом Пушкина, накрытый простой рогожей, тайно увезли в Святогорский монастырь в сопровождении двух жандармов... Иные времена – иные масштабы: ещё с Садового кольца из автобуса заметил я цепи милиционеров в чёрных дублёных полушубках. А в самом ЦДЛ сразу бросилось в глаза обилие незнакомых молодых мужчин с настороженными лицами. У некоторых повязки «дружинник». Так и стояли они шпалерами вдоль стен большого зала, вдоль всего пути к гробу... Вот уж воистину: у страха глаза велики. Вооружённого восстания что ли боялись?! Несмотря на все жестокие меры, людей было много. И откуда только узнали? С девяти утра до самой панихиды люди шли непрерывно. Я думаю: если бы было объявление в газетах, народ заполнил бы всю площадь Восстания и ближайшие улицы.

Первая живая душа, которую встретил я в вестибюле, был Лёва Левицкий. Мы прошли с ним первый прощальный круг. Гроб стоял на сцене чуть наклонно к залу. Много венков с красными и белыми лентами. Живые и бумажные цветы. Лицо Твардовского жёлтое, без морщин. Потом я разглядел и запомнил его хорошо, когда стоял в почётном карауле. Стояли мы с Лёвой Левицким, Ф. Световым. И незнакомая какая-то писательница была с нами четвёртой. Ордена и медали на красных шёлковых подушечках. И подумалось: какая это пустота – эти побрякушки рядом со смертью, с окончанием жизни <...>.

Говорили речи: С. Наровчатов, А. Сурков, С. Орлов, Г. Абашидзе, генерал Востоков (заместитель Епишева, одного из самых яростных гонителей «Нового мира»), К. Симонов. Проникновенно вроде, но пусто, вато, слишком трусливо и слишком отрететировано говорили все. Кто лучше, кто хуже говорил, но никто главного не сказал. Только К. Симонов робко упомянул «Новый мир», сказал о честности и принципиальности Твардовского и назвал его великим поэтом. И зал словно вздохнул облегчённо (так мне показалось) – хотя малая доля правды была сказана.

Наровчатов закрыл митинг. И вдруг в тишине раздался женский голос из задних рядов, что ближе к ложам. Взволнованно кричала молодая женщина. Ей мешали. Голос её был слаб. Долетали до сцены отдельные слова, отдельные фразы:

– Почему никто не сказал, что Твардовского застрелили, лишили его любимого детища?.. Почему не сказали, что последняя поэма Твардовского не напечатана, запрещена?..

Женщину утихомирили. Возникло несколько странное ощущение...

Потом – вынос тела. Встреча с Г. Троепольским, очень горюет старик.

Автобусы, много специальных автобусов. Амурные розовые заснеженные стены и башенки Ново-Девичьего монастыря. Это – ещё из окон автобуса. А когда вышли, первое, что бросилось в глаза – оцепление. Сотни солдат на расстоянии метра друг от друга окружили всё кладбище. И в пустом блестящем от солнца и снега пространстве – милицейские машины. Оказывается, никого из простых людей на кладбище не пускали <...>. Холод. Перекрикивания милицейских офицеров:

– Сниматься будем ровно в четыре!..

Говорят, первую горсть земли бросил в могилу А. Солженицын. Он был и на панихиде, но я его не видел. Много было людей <...>.

Обратил вдруг внимание: кто-то фотографирует одну из могил, самую обычную могилу. Пригляделся: это, оказывается, могила Н. С. Хрущёва. Потом, когда уже все расходились, мы с Б. Слуцким и В. Огневым постояли немного у этой могилы, сняв шапки. Почтили память Никиты Сергеевича...» [№ 118. С. 86–96].

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В своей статье «Слезам нужно верить...» Анатолий Жигулин написал: «Говорят, Твардовский в жизни бывал порою суров и даже резок, в частности, в отношениях к молодым поэтам. Допускаю, что в этом есть небольшая доля истины, идущая от высоких требований поэта к стихам. Но мне всегда открывался в нём прежде всего человек добрый, участливый, готовый помочь. Сейчас понимаю, как много значили для меня даже нечастые общения с Твардовским, и для моего творчества, и даже – не побоюсь сказать – для окончательного

формирования моего мировоззрения. Не говоря уже о самом прямом участии Твардовского в моей судьбе...» [7].

О своих встречах с А. Т. Твардовским, о его редакторских и житейских уроках А. В. Жигулин написал в повести «Чёрные камни» (1988), в «Страницах автобиографии», опубликованных в однотомнике «Избранное» (М. : Художественная литература, 1981), в многочисленных интервью и письмах.

Есть все основания полагать, что в последние годы, несмотря на резкое ухудшение состояния здоровья, А. В. Жигулин мечтал написать мемуары о прожитой жизни, о своей судьбе, о великих современниках. В том числе – и прежде всего! – о Твардовском. Он всё чаще обращался к своим дневникам и рабочим тетрадам, перечитывал их, делал новые записи. Он до последней минуты, до последнего удара сердца работал, строил планы на будущее. Но, увы, им не суждено было сбыться...

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулин А. В. Записные книжки, дневники и рабочие тетради / А. В. Жигулин. – Архив Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.

2. См. : Жигулин А. В. «Слезам нужно верить...» / Анатолий Жигулин // Воспоминания об А. Твардовском (сборник). – Москва, Издательство «Советский писатель», 1978. – С. 287–291.

3. Абрамов А. М. Письма Александра Твардовского / Анатолий Абрамов. – Русское поле. Содружество литературных проектов. – 2001. – <http://podyom.ruspole.info/node/1657>

4. Жигулин А. В. Там же. – С. 287.

5. Там же. – С. 287.

6. Солженицын А. И. Поминальное слово о Твардовском / Александр Солженицын. – «Наш современник». – 1989. – № 9.

7. Жигулин А. В. Там же. – С. 288–289.

Воронежский государственный университет
Колобов В. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

Voronezh State University
Kolobov V. V., Candidate of Philology, Lecturer of the Public Relations Department
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru